

Человек-амфибия. Образ русского мигранта в Германии*

Цыпылма ДАРИЕВА

В этой статье речь пойдет об изменении коллективной идентичности в условиях диаспоры и значении новых символических границ жизненных пространств для русскоязычных иммигрантов в Германии. Постсоветская геополитическая фрагментация общества сопровождается глобальной диаспоризацией, а вместе с ней и процессами реконфигурации ментальных карт и названий-маркеров. Опираясь на результаты анализа газетных рубрик и этнографическое исследование, проведенное мною среди постсоветских мигрантов в Берлине в 1997–2001 гг., я попытаюсь понять значение границ публичного пространства, сконструированного русскоязычной прессой. Любая газета — это не только информационное издание и словесный поток, но и социальный институт, формирующий и организующий пространство в глобальном контексте. Журналисты и редакторы газет как архитекторы переводят социальные и культурные проекты в словесно-пространственные планы. Они создают виртуальные миры-площадки для публичной коммуникации различ-

* В настоящей статье частично использованы результаты диссертационного исследования, опубликованного на немецком языке: Darieva, Tsypylma, *Russkij Berlin: Migranten und Medien in Berlin und London* (Münster: Lit, 2004). Исследование проведено при поддержке фонда Генриха Белля, Немецкого Исследовательского Общества (DFG) и университета им. Гумбольда. Хочу выразить благодарность за комментарии и обсуждение текста данной статьи Олегу Паченкову и Лилии Воронковой, Центр Независимых Социальных Исследований, Санкт-Петербург.

ных социальных групп, помогающие ориентироваться в быстро меняющемся мире. Для понимания значения медиальной повседневности и ее границ можно взглянуть на нее как на категорию социального поля, формирующего публичное пространство. Медиальные планы, таким образом, есть часть культурной практики описания и видения будущего мира. Возникает вопрос каким образом русскоязычные иммигранты, представители последнего советского поколения, определяют свое местоположение «за границей» и какие новые очертания «своего мира» можно определить на сегодня? С помощью каких образов описывает современное немецкое общество русскоязычного мигранта в Берлине? Насколько присуще привычное противостояние Запад-Восток этим изданиям?

Прежде чем перейти к модели «самоописания» и самоорганизации нового пространства, я хочу обратить внимание на «описание» облика современного русскоязычного мигранта в Германии извне, с точки зрения принимающего общества. Поскольку в процессе формирования коллективного образа любой социальной группы значимую роль играют условия адаптации и эффект прескриптивной идентичности, то любопытно взглянуть на дискурсивные портреты «русского» в Германии, спроектированные немецкими СМИ.¹ Более того, любое перемещение в пространстве не происходит на «пустом месте» и вне историко-культурного контекста. Новая территория живет своей социальной жизнью, опираясь на определенный исторический опыт, что сказывается на механизме производства культурно-политических стереотипов по отношению к новым членам общества. Забегая вперед, хочется подчеркнуть, что такой процесс идентификации зачастую имеет несколько клишированный характер, оставаясь в узких национальных рамках интерпретации. Парадоксально, что не смотря на все процессы глобализации эти стереотипы не совсем легко поддаются трансформации.

¹ В этой работе я ограничусь материалами ведущих немецких газет: «Ди Цайт», «Шпигель», «Тагесцайтунг».

1. Особенности культурной адаптации в Германии

Многие представители последней русскоязычной волны иммиграции на Запад иронично называют себя «колбасной эмиграцией». Термин «колбаса интернационал» часто используется для того, чтобы подчеркнуть отличие мотивов последней волны иммиграции на Запад от тех исторических форм эмиграции, которые явно имеют политическую окраску, как например, после революции 1917 года или во времена холодной войны. Однако, в Германии такой кулинарный термин по отношению к мотивов иммиграции не столь популярен как в США или Израеле. Экономические мотивы послеперестроечного переезда части постсоветского населения в Германию существенно переплетены с особенностями этно-конфессиональных каналов приема новых иммигрантов, что повлияло на весь сложный процесс адаптации и восприятия жизни в Германии.

Прежде всего особенность русскоязычного населения в Германии состоит в том, что большинство иммигрантов переехало «по приглашению немецкого правительства» на правах закона об еврейских контингентных беженцах, принятое немецким правительством в 1991 и закона о репатриации для немцев-переселенцев, модифицированное специально для потомков поволжских немцев из бывшего Советского Союза.² Оба эти закона были сформулированы в объединенной Германии в контексте моральных дискурсов послевоенной истории. Закон об еврейских контингентных беженцах (*Kontingentflüchtlingsgesetz*), подготовленный последним правительством ГДР был направлен на политику «преодоления прошлого» с целью смягчения национального чувства вины за военные преступления. В законе о немцах-переселенцах (*Aussiedler*) отразилась ответственность немецкого государства за судьбы этнических немцев, пострадавших в сталинское время. Таким образом, нормативное урегулирование переезда граждан бывшего СССР в Германию зна-

2 Таким образом, в Германии официально зарегистрированы более чем 3 миллиона бывших советских граждан за период между 1991–2005 гг.

чительно облегчило первый период адаптации во многих сферах жизни, будь то оформление документов для всех членов семьи, поиски жилья или социальное обеспечение. По сравнению со статусом других мигрантских групп русскоязычные иммигранты в Германии имеют достаточно привилегированное социально-экономическое положение в основном за счет беспрепятственного получения немецкого гражданства.

Соответственно, со стороны принимающего общества усиленно обсуждается проблема именно неуспешной культурной адаптации иммигрантов в немецкое общество, нежели экономической или политической, что более типично для американского опыта. Постсоветские иммигранты и их «социально-культурное поведение» с самого начала оказались под усиленным наблюдением различных немецких бюрократических инстанций и средств массовой информации. В Германии выделяются две категории особых групп, которые регулируют правовое-статусное положение русскоязычного мигранта, а вместе с ним и его культурно-этническую принадлежность: еврейский контингентный беженец и немец-переселенец.³ Центральная идея негативной проблематизации заключается в обвинении новых иммигрантов в нежелании и неспособности интегрироваться именно в те социально-культурные институты, которые были предназначены этими нормативными урегулированиями. Необходимо отметить, что доминантные установки немецкой миграционной политики были сформулированы в довольно узких этно-конфессиональных рамках, предусматривающие в основном традиционные практики презентации принадлежности к отдельно взятой группе.

Кроме этого в миграционных институтах была затруднена поддержка этнически смешанных семей, поскольку они были организованы по этно-конфессиональному принципу. Обычно не приветствуется смешение двух или трех различных этничностей в одном

³ В немецком обществе существует еще одна немаловажная категория для обозначения любого иностранца-неемца — «ауслендер».

социальном пространстве, будь то интеграционный центр, семья, школа или дом престарелых. Довольно трагическая ситуация складывалась порой в смешанных еврейско-нееврейских иммигрантских семьях. Так, умершие члены еврейской общины имели право на место для погребения на территории еврейских кладбищ (в Берлине Вайссензее или Геерштрассе), что включало в себя немаловажную финансовую поддержку в оплате ритуальных услуг и надгробного камня. Такое право предоставлялось только членам общины или индивидууму еврейского происхождения, что автоматически исключало не-еврейских членов семьи из этой сети взаимопомощи.⁴ Политика «чистоты» этнической принадлежности распространяется и на потомков поволжских немцев. При заполнении заявки на въезд в Германию они должны были доказывать принимающим органам и иммиграционным службам, что несмотря на советскую ассимиляцию и депортационный опыт, они сохранили традиционный немецкий образ жизни, говорят на диалектах немецкого языка, принадлежат протестантской или католической церкви, сохранили в памяти рецепты немецких рождественских пирогов. Советские евреи по представлениям принимающего общества должны были регулярно посещать синагогу, знать Тору, есть кошерную пищу и воспроизводить идентичность жертвы Холокоста. Понятно, что после культурной унификации советского общества⁵ постсоветским мигрантам такую задачу было не легко выполнить. Тем не менее к середине 90-х годов в дискурсах, отраженных в немецких средствах массовой

4 Из интервью с социальным работником в еврейской общине г. Берлин в октябре 1998 года. Подробнее см.: Franziska Becker, *Ankommen in Deutschland: Einwanderungspolitik als biographische Erfahrung im Migrationsprozeß russischer Juden* (Berlin: Reimer, 2002); Darieva, *Russkij Berlin*; Tsypylma Darieva, "Recruit: Transnational Migrants in Germany and Kazakhstan," in Erich Kasten, ed., *Rebuilding Identities: Pathways to Reform Post-Soviet Siberia* (Berlin: Dietrich Reimer, 2005), pp. 153–172.

5 О степени ассимиляции немцев в России смотри: Бредникова, О. «Вообще-то я русский... Но когда у нас в Питере бросают мимо мусор, я чувствую, что я все-таки немец...» // Конструирование этничности. Этнические общины Санкт-Петербурга / Ред. В. Воронков, И. Освальд. СПб., 1998. С. 97–134.

информации, настойчиво подчеркивалось отсутствие традиционного культурного «еврейства» у русских евреев и «немецкости» у российских немцев, а вместе с этим ставилась под вопрос и легитимность их пребывания на немецкой территории. При этом немецкая общественность прежде всего заостряла внимание на проявлении «русскости» в поведении новых граждан Германии, воспроизводя стереотипные картины из прошлого Берлина 20х гг. с его мифическим Шарлоттенградом,⁶ или послевоенного разделенного Берлина времен холодной войны. Таким образом русскоязычные немцы и евреи на уровне повседневной жизни часто причислялись к категории «ауслендер».

«Через 15 минут *русские будут на Курфюрстендаме* пел немецкий рок-музыкант Удо Линденберг в середине 80х гг, [...] и они уже здесь», писала немецкая газета «Ди Цейт» в 1996 году. «[...] Теперь они продают на блошином рынке значки с Лениным, пестрые деревянные ложки и красноармейскую шапку-ушанку американскому Бену из Огайо».⁷

«Насколько опасны и сильны русские в Берлине?» — интриговал читателя немецкий таблоид «BZ» новых читателей серией репортажей о русскоязычной неформальной инфраструктуре в Берлине в 1998.⁸ Более того в результате пятнадцатилетней адаптации «неожиданная» русскость новых мигрантов стала неотъемлемой частью их коллективной идентичности, а на уровне повседнев-

6 Шарлоттенград — ироничное название центрального западного района Берлина Шарлоттенбург, где проживало значительное число русских иммигрантов, вынужденные покинуть Россию после революции 1917 г. См.: Fritz Mierau, *Russen in Berlin, Literatur, Malerei, Theater, Film 1918–1933* (Leipzig: Reclam, 1991); Karl Schloegel, *Russische Emigration in Deutschland 1918 bis 1941: Leben im europäischen Bürgerkrieg* (Berlin: Akademie Verlag, 1995).

7 Marlies Menge, “Berlin, Kurfürstenprospekt,” *Die Zeit*, no. 29, 12.07.1996, p. 57.

8 “Wie mächtig sind die Russen in Berlin?” *BZ*, 28.10.1998.

Рекламный плакат берлинского таблоида “БЦ” с надписью “Насколько опасны и сильны русские в Берлине?” Берлин-Крейцберг, октябрь 1998. Фото автора.

ной жизни за представителями разных этнических групп — российских немцев-переселенцев, русских, советских евреев, выходцев из стран Средней Азии, Кавказа, Прибалтики и Сибири — после переезда в Германию закрепился практически новый этноним «русские».

Вместе с тем в семантике этнонима «русский» в Германии, привычная со времен второй мировой войны маркировка врага, отодвигается на второй план. В целом в Берлине за последние пятнадцать лет на уровне официальных дискурсов произошел сдвиг в интерпретации и восприятии опыта второй мировой войны, а вместе в ней и противника: смягчилось противопоставление между победителем и побежденным. Так, например, граффити «Здесь был солдат Лаптев», «Берлину крышка!»,⁹ оставленные советскими солдатами на стенах рейхстага, ранее относились к политическому табу и воспринимались немцами как символический акт надругания над национальными символами и, соответственно, тщательно замалчивались. Сегодня эти «письменные памятники» стали частью культур-

9 Jens Liebchen, *Politik und Kunst, Kunst und Politik: Künstler und ihre Werke im Reichstagsgebäude; Fotografien* (Berlin: J.J. Heckenhauer, 2004), Photo 9.

ного ландшафта и знаковым местом истории Европы. Теперь русские солдатские граффити возведены в ранг искусства, вставлены в рамку (дизайн Нормана Фостера) и публично выставлены в обновленном здании немецкого парламента Бундестага. Можно утверждать, что образ русского солдата и его ритуальный акт победы, выразившийся в маркировании стен Рейхстага, стал интерпретироваться в новом измерении. Теперь акт надругания над национальной историей приравнивается к распространенной практике туристов-путешественников оставлять свои имена на труднодоступных скалистых камнях. Просмотр русских граффити в политическом центре современной Германии смело предлагается в программе туристических маршрутов. Такое переосмысление истории открывает путь новой интерпретации образа русского в немецком обществе.

К концу 90-х годов на медиальной поверхности немецкого общества наблюдался процесс общего переосмысления образа русского в Европе, и это свидетельствует прежде всего о некоей нормализации факта присутствия русскоязычных жителей в Берлине. Если для представителей послевоенного поколения жителей Германии русские сливались с однозначным образом внешнего врага и завоевателя в единственном лице «дер Руссе», то сегодня они потеряли знаки ярковыраженной враждебности и приобрели характеристику мирного «внутреннего чужака». На берлинской сцене современного мультикультурного немецкого общества появилось новое социально-культурное меньшинство. На смену тяжелому образу русского солдата-оккупанта, водружающего красное знамя над разрушенным Рейхстагом пришел относительно мирный гражданин с экзотическим и для немцев трудно произносимым именем, нередко с постоянными прописками и в Берлине, и в Москве.

В процессе такой трансформации облик «русского» за границей приобрел человеческие лица мужского и женского рода, однако он нигде не носит нейтрального характера. Во всей новой интерпретации образа «русского» на западе доминирующей стала фигура «нового русского» с непонятным источником обогащения.

«Они носят деньги небрежно скрученными в карманах брюк, и оплачивают Версаче наличными», или «[...] движением плеча они указывают на дюжину вешалок и вытаскивают толстую пачку денег из распотыренных карманов брюк. На Фридрихштрассе они платят за «Мерседес» класса S наличными, а на их женщинах — соболя и сумки от Шанель».¹⁰

Примечательно, что этот образ перекликается со известным карикатурным изображением «нового русского», распространенного в России в 90-е годы. Но к доминирующей фигуре «богатого русского» в Берлине прибавился новый персонаж — женское лицо. Раньше клишированный образ обладал исключительно мужскими характеристиками и ассоциировался с прямым или опосредованным насилием, грубой силой и примитивной воинственностью (угроза для представительниц женского пола и угроза цивилизованному миру), а также малопривлекательной варварской внешностью. Теперь появилось женское лицо «руссише фрау» блондинки на высоких каблуках, контрастирующее с привычным на Западе традиционным образом русской бабушки-матрешки, отсталой от современной жизни немолодой женщины в платке. Примечательно, что новое клише приобретает привлекательность за счет излишней сексуальности, той показной эротики, которая не присуща стандартному поведению современных немецких женщин, как собственно и чрезмерная демонстрация капитала. Природа женской ипостаси образа русского в Германии связана прежде всего с ее броской внешностью. Подчеркнутая женственность достигается с помощью чрезмерного потребления косметики и духов, показного потребления продукции дорогих фирм, что в конечном варианте переносит образ «русскости» в категорию распушенности, а образ «руссише фрау» делает очень близким к образу проститутки.

В подобном «описании» облика русского в Берлине проявляется прежде всего символический код ценностей западного общества. Образ богатого, но примитивного «русского», спроектированный

10 Menge, “Berlin, Kurfürstenprospekt.”

главным образом журналистами принимающего общества, сконцентрирован на нецивилизованном обращении с деньгами и капиталом, центральным символом западного общества (использование карманов брюк вместо портмоне) и в целом, чрезмерном потреблении. Практика неконтролируемого и потому аморального обращения с капиталом стала основой для описания нового образа русского в западном обществе. По всей видимости нападки вызваны неприятием местным населением чуждой системы ценностей и типа экономического поведения.

2. Самоидентификация

За последние десять лет многие представители молодого поколения, приспособившись к новым реалиям, относительно успешно адаптировались в немецкое общество. «Самоописание» индивидуального опыта адаптации является одним из важных измерений трансформации коллективной идентичности русскоязычных мигрантов.

Так, для определенной группы русскоязычных мигрантов характерна символическая ассоциация личного опыта жизни в Германии с образом советского разведчика Штирлица из популярного сериала времен холодной войны «17 мгновений весны».¹¹ Интересно, что столь популярный в начале 90е гг. образ мифического Шарлоттенграда, практически исчез к концу 90х гг. Результаты относительно быстрой интеграции некоторой части современных русскоязычных иммигрантов в новое общество метафорически сравниваются с бесшумным и скрытым существованием русского шпиона в роли штурмбанфюрера в самом центре враждебного мира. Успешное проникновение в немецкое общество доказывается наличием определенного набора поведенческих схем, когда бывшие советские граждане перенимают образ жизни среднего класса немецкой буржуазии. Вот как это описывается в статье российского журнала

11 Режиссер телесериала Татьяна Лиознова.

«Неприкосновенный запас». Они «сдают паспорта, говорят на немецком, не звонят родственникам в России, не говорят с детьми по-русски, в общем как Штирлиц бесшумно размешивают сахар и кладут ложечку на блюдце».¹² В то же время автор, журналист одной из популярных русскоязычных газет в Берлине, отмечает, что современные Штирлицы, несмотря на специфическое слияние с немецкой культурой, все равно выдают свою русскость: «[...] Где гарантия, что они не прищуривают правый глаз, когда подносят чашку к губам?»; или как в анекдоте «Штирлиц, вы еврей — спрашивает Мюллер. — Нет, я русский. А главное: Штирлица вечно выдают буденовка и волочащийся парашют».¹³ Таким образом, автор определяет положение и имидж современного русскоязычного иммигранта в немецком обществе как наличие противоречивой двойной сути. Описывается это с помощью противопоставления двух знаковых объектов времен холодной войны, таких как немецкая ложечка на блюдце и буденовка. Действительно, до недавнего времени образ красноармейца в буденовке использовался русскоязычными иммигрантами в качестве главного героя в дизайне коммерческой рекламы на страницах Берлинской газеты. Так, в стиле советской пропаганды красноармеец призывает читателей к покупке телефонной карточки для международной телефонной связи.¹⁴

В конечном итоге автор дает объяснение своей сложной национальной принадлежности как состояние «жуткого промежутка»: «[...] Мы и там и тут как рыба в воде, вернее, как человек-амфибия. А ведь Ихтиандр ни к воде, ни к суше не был вполне приспособлен. Вот и получается состояние амфибии — промежуточное состояние».¹⁵

Политика идентичности, высказанная автором, действительно

12 Гурова Л. В промежутке жутко // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2002. № 5(25). С. 17–23.

13 Там же. С. 21.

14 Русский Берлин. № 5(34). Февраль 2001. С. 24 (Реклама).

15 Гурова Л. В промежутке жутко. С. 19.

имеет амбивалентное значение. С одной стороны, налицо успешные усилия иммигрантов интегрироваться в новое общество до состояния «рыбы в воде», с другой стороны, они не могут избавиться от своей русскости. Показательно, что такое промежуточное состояние понимается, прежде всего, как некое пространство между двумя противостоящими мирами, а вопрос о том, что интеграционный опыт может быть следствием взаимодействия двух культурно-политических ценностей и синхронной причастности к двум мирам, здесь не возникает.

«Жуткое» восприятие жизни «за границей» как в пустом промежутке во многом находится под влиянием методологического национализма, формирующего политику идентичностей в эпоху национального государства. Под методологическим национализмом подразумевается политический и интеллектуальный дискурс о природной естественности и прочности национально-государственных границ, под воздействием которого социальное общество отождествляется с национальным государством. При этом репрезентация «людей в движении» всегда отождествляется с неким нежелательным переходом из одного мира в другой и нарушением сакральной границы, разделяющей эти миры. В этом отношении советское прошлое и его идеология способствует такому мышлению. Известно, что в сознании советского гражданина понятие государственной границы, разделяющее родину от чужбины было герметичным и функционировало как бинарное противостояние между центром и периферией. За счет школьного образования, средств массовой информации и наглядной пропаганды понятие «Родины» приобрело в советскую эпоху оттенок идеального и необъятного пространства «от Москвы до самых до окраин». В повседневной жизни распространилась идеологема «одна шестая часть суши», подкрепленная мотивами «невозможности пересечения границы» и нерушимостью ее контуров между родиной и остальным миром. Остальной незнакомый мир породил концепцию «заоблачной заграницы», приближенной к параметрам потустороннего мира. Эти два понятия, «Родина» и «заграница» имели диаметрально противополо-

ложные значения как земля и небо, проявлявшиеся не только в идеологии, но и в повседневных практиках восприятия «своего-нашего» и «заграничного-чужого». А между ними была пустота. Концепция «заграницы» в русскоязычном мышлении имело чрезвычайно имагинативное значение потустороннего, собственно нереального и практически недоступного мира. «Выезд за границу», жизнь в эмиграции или связи с эмигрантскими общинами приобрели в советском дискурсе полумифический характер благодаря идеологической демонизации и отчуждения со стороны официальных властей. В результате эмиграция на Запад воспринималась, особенно в среде творческой интеллигенции, как символическая или социальная смерть.

До недавнего времени и в академических дискуссиях о новых диаспорах, мигрантах и экстерриториальных группах доминировало представление, основанное на теории национального государства. Суть привычного мышления в национальных категориях состоит в попытке объяснить природу мигрантского сообщества с помощью теории взаимоотношений однополярного национального центра и периферии, которые разделены концепциями о реальных и символических границах между родиной и чужбиной.¹⁶ В системе таких величин важную производную роль играет символический центр или бинарное противостояние двух центров, между которыми и появляется тот жуткий промежуток с его неопределенностью, неподвижностью и безысходным дрейфом, описанным журналисткой выше.¹⁷

16 Здесь стоит отметить, что Германия не признает себя страной иммигрантов, поэтому концепция культурной ассимиляции по отношению к не-немцам пропагандируется немецким государством и подтверждается определенным присутствием ксенофобии в обществе. Даже понятие культурного многообразия и многоэтничности, столь популярное сейчас в Европе, всегда ассоциируется с неперенным присутствием ведущей культуры *Leitkultur* и национального мастер-нарратива, определяющего культурного инсайдера и аутсайдера с помощью четко разработанной правовой системы и культурных стереотипов.

17 Владимир Каминар в сентябре 2006 г. в интервью с автором статьи сравнивает «промежуток» с образом чулана или чердака с заплывшими страницами исто-

В то же время «островное» мышление советского человека всегда переключалось с определенной глобальностью своей значимости, планетарностью¹⁸ и исторической миссией интернационализма, спасения мира, подкрепленного мощной коммунистической идеологией коллективизма и равенства между народами. Более того, как справедливо отметил Алексей Юрчак¹⁹ в своей книге о последнем советском поколении, внутри советской жизни в Москве и Петербурге, люди активно строили свои параллельные воображаемые миры, культивируя свой маленький экзотический Запад, другими словами неведомую страну Дельфинию.²⁰ Эту мечту люди материализовывали в собственной комнате или в кругу друзей, внося разнообразие в жизнь на уровне потребления запретного стиля одежды, обмена литературой, музыкой и источниками информации.

Постсоветские иммигранты в Европе, и в частности Германии, попали в начале 90х годов в ту самую «заграницу», *imaginary West*, о которой мечтало последнее советское поколение.²¹ Переезд из Москвы или Киева в Берлин воспринимался постсоветскими иммигрантами как приобретение удачной и непредсказуемой возможности пересечения границы потустороннего мира, как акт приключения, и в какой-то мере осуществления мечты. При этом многие иммигранты, включая современного писателя Владимира Каминера выдвигали на первый план «чуждость», «случайность» и абсурдность своего приезда в Берлин, что по степени необычности факта сравним со старым символом эмигрантского выезда. Конечно, постсоветская миграция по своему характеру существенно отличается от прошлой эмиграции отсутствием интеллектуального тра-

рии.

18 Подробнее о конструировании концепции «заграницы» и советского геополитического пространства в поэзии и языке смотри: Гусейнов Г. Карта нашей родины. Идеологема между словом и телом. М., 2005.

19 Alexei Yurchak, *Everything was Forever, Until It was No More: The Last Soviet Generation* (Princeton, NJ: Princeton University Press, 2006).

20 Вайль П., Генус А. 60-е. Мир советского человека. 3-е изд. М., 2001.

21 Yurchak, *Everything was Forever*, p. 159.

гизма, мотивов несправедливости и той ностальгической ноты, которую артикулировали писатели-эмигранты другого поколения как Андрей Синявский или Иосиф Бродский.

В последнее десятилетие ряд исследователей, изучающие процессы диаспоризации обществ, справедливо отмечают, что в современном контексте наблюдается уход от традиционных идеологем, рост конструктивных жизненных стратегий и полезного космополитизма.²² Этнологи одними из первых отметили значение новых транснациональных сетей и фактора одновременной включенности иммигрантов в жизни принимающего и посылающего обществ. Таким образом под вопрос были поставлены принципы культурно-политической растворимости и изоляционности диаспоры в принимающем обществе.²³ Фокусируя свой взгляд на социальные, экономические связи, складывающиеся вокруг иммигрантов и их семей, на практики и прагматику «выживания», антропологам удалось выявить новую парадигму транснациональной принадлежности, того динамичного взаимовлияния между пространством и идентичностью, которые выходят за рамки национальных границ и методологического национализма.²⁴ На уровне повседневной жизни — в семье, на работе, средствах массовой информации и организации досуга явно присутствует транснациональное видение границ и восприятие мира, что по сути альтернативно по отношению к национальному мейнстриму.

Транснациональные штудии²⁵ исходят из положения, что в

22 Тишков В.А. Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии. М., 2003. С. 466.

23 Nina Glick Schiller, Linda Basch, and Cristina Blanc Szanton, eds., *Towards a Transnational Perspective on Migration: Race, Class, Ethnicity, and Nationalism Reconsidered* (New York: New York Academy of Science, 1992).

24 Подробнее смотри: Andreas Wimmer and Nina Glick Schiller, “Methodological Nationalism and Beyond: Nation-State Building, Migration and the Social Sciences,” *Global Networks* 2, no. 4 (2002), pp. 301–334; Nina Glick Schiller, “Transnationality,” in David Nugent and Joan Vincent, eds., *A Companion to the Anthropology of Politics* (Malden: Blackwell Publishing, 2004), pp. 448–467.

25 Транснационализация определяется как процесс освоения межнационального

эпоху глобализации мигранты и представители диаспор как социальное явление участвуют в политической и социальной жизни двух или трех стран в равной степени. Эта перспектива отодвигает на задний план классическое представление о культурной конструкции мифа об избранном происхождении той или иной диаспоральной группы, который подчеркивает особый драматизм и травматизм «диаспорального синдрома».²⁶ Здесь следует отметить факт изменения объема традиционной родины и отношения к стране-донору и стране-реципиенту. Такая принадлежность и устойчивое мировоззрение выстраиваются с помощью таких глобальных метафор как «Европа-Россия», «Евразия», «Берлин-Караганда».

Во многом следуя такой стратегии, ниже я приведу пример динамики когнитивной карты и новой модели проектирования промежуточного пространства в популярных русскоязычных газетах Германии. Нигде как в иммигрантских газетах не проявляются отчетливо контуры транснациональной самоидентификации, объединяющие *imaginary West* с советским *East*. Возникает вопрос, в какой мере можно говорить о противостоянии и строгой оппозиции «бывшая родина» и «новый дом»?

3. 1/6 часть суши плюс Германия

Известно, что в Западной Европе с середины 90-х годов выпускается более чем 70 различных русскоязычных газетных изданий, десятки локальных и глобальных Интернет-газет. Все они в какой

пространства в результате растущей мобильности и взаимообмена товара, денег, человеческого фактора и технологий между двумя или тремя странами, в результате чего появляются новые ручейки взаимосвязей и действий, символически смыывающие границы между странами и воспринимающие их как одно пространство. Эти процессы существенно отличаются от известной интернационализации политики и рынка, поскольку динамика и энергия транснационализации идет не сверху, а снизу. Schiller, "Transnationality," pp. 448–467.

26 В. Войны памяти. Мифы, идентичность и политика в Закавказье. М., 2003; Tölölyan, Khachig "Rethinking Diaspora(s): Stateless Power in the Transnational Moment," *Diaspora* 5, no. 1, pp. 3–36.

то степени претендуют на роль регулярного источника информации для пост-советского иммигранта в Европе и таким образом играют немаловажную роль в процессе формирования их коллективных идентичностей. Хотя рынок газет на русском языке в дальнем Зарубежье существовал и в советское время, но с распадом Советского Союза кардинально изменилась его политическая ориентация, да и собственно сам читатель. Во-первых, в городских киосках Европы можно приобрести не только «Правду» или «Известия», но и такие популярные российские издания как «Коммерсант», «Комсомолка» или «Аргументы и факты», специально выпущенные для русскоязычных жителей Германии. В конце 90-х годов «АиФ» выходил со специальным приложением «Мы в Германии».

Во-вторых, появились газеты, созданные по инициативе самих иммигрантов, самостоятельные независимые коммерческие газеты с определенной этно-культурной базой. Сегодня с помощью современных технических средств мигранты имеют возможности для создания своих собственных сетей коммуникации и подачи информации без особо крупных финансовых и интеллектуальных затрат. Здесь мы наблюдаем бум русскоязычного массмедиа рынка

ТЫ
Телефонные карты **plus7**
новые цены

Россия от 27⁹ Pf/Min
Украина от 35⁹ Pf/Min
Казахстан от 39⁹ Pf/Min
Германия от 2⁹ Pf/Min

Скидка распространителям – до 50% от ABCam <>

тел 030/2466 0222 тел 030/347 05830
ЗАКУПИЛСЯ?
fax 030/2466 0229 www.plus7.de

Рекламный лист карточки мобильной связи plus7, регулярно печатавшийся в еженедельной газете в период между 2000-2001 гг. Русский Берлин. № 5(34). 5-11.02.2001. С. 24. фото автора.

для читателей с установкой на длительное проживание на новой родине с поддержкой реальных связей с бывшей родиной.

Таким образом, мы имеем дело не с эмигрантскими газетами времен «самиздата» с присущим им островным мышлением и являющимися рупором политической оппозиции к власти покинутой страны, а с новой формой видения мира. Самиздатовские хроники жили за счет подачи «инакомыслящей» информации о политических событиях на пространстве покинутой родины, пропагандируя изменение политической ситуации на ее же территории и мало связывающие свое культурное и политическое будущее со страной-реципиентом.²⁷ Обычный русскоязычный иммигрант читает газету не только из-за информационных ориентиров в изменившихся условиях, но и потому что она предлагает новое географическое и культурное надграничье. Целый ряд постсоветских иммигрантских газет отличается прагматичным взглядом на мировые события с позиции «нового дома», в которых не наблюдаются какие-то доминирующие политические привязки ни к стране донору, ни к реципиенту. Как высказался один из главных редакторов газеты «Русский Берлин»: «Никакой эмиграции нет, а есть люди которые, просто поменяли местожительство».

При анализе общего содержания постоянных рубрик русских газет Германии прежде всего в глаза бросается схема территориального построения картины мира. Как бы газета не называлась — «Русский Берлин», «Европа-Экспресс», «Еврейская Газета» — по организации содержания она придерживается определенного транснационального принципа построения пространства: географическая карта новостей и репортажей не ограничивается освещением только российских или только немецких событий. Социальное пространство газетных полос стремится включить в себя три основных измерения сфер интересов и связей: страна-донор, страна-реципиент и локальная привязка регионального значения, в данном случае горо-

27 О понятии самиздата и его практике смотри в: Wolfgang Eichwede, "Archipelago Samizdat," в: Wolfgang Eichwede, ed., *Samizdat: Alternative Kultur in Zentral- und Osteuropa; Die 60er bis 80er Jahre* (Bremen: Temmen, 2000), С. 8–19.

Первая страница (передовица) еженедельной газеты Русский Берлин. № 175(43). 1-7.02.1999. фото автора.

да. Для примера можно взять газету «Русский Берлин», выходящую с 1996 года. С самого начала концепция газеты была сформулирована на оптимистической ноте взаимодействия и взаимодополнения русской и немецкой реальностей.

Как правило, на первых страницах размещается материал о Германии. Эта полоса демонстративно называется «Наша страна», затем идет полоса «1/6 или там, где был Советский Союз», а далее незаменимая страничка «Берлин, смотритель города». Чем интересна такая организация? Тем, что здесь отсутствует классическая политическая и культурно-национальная лояльность только к одному национальному государству. И действительно, необходимо отметить, что в отличие от мигрантских газет все национальные центральные газеты отражают события в мире и в стране в основном через призму национальной политики с присущей ей реальным и символическим делением мира на центр и периферию, например Германия как центр мира, а *Аусланд* (зарубежье) как периферия.

Транснациональное поведение наблюдается в газетах не только в организации подачи материала, но оно выражено и в оптимистических девизах и динамичных названиях газет, таких как «Везде где можно жить, можно жить хорошо», «Наше отечество-русский язык», «Караван-Интернэшионэл».

Между тем, этот принцип подачи газетного материала не имеет характера утопии и катастрофичности будущего. Отсутствуют какие-либо установки на общинность, соборность и территориальную компактность, что отличало эмигрантскую прессу 20–30х годов, когда в Берлине выходили несколько русских газет первой волны эмиграции с ярко выраженной ностальгической нотой и отчужденностью от обеих обществ. Сегодня заметно отсутствие островного мышления и ностальгической нотки «потерянной родины» или «недосягаемого острова». Здесь необходимо отметить, что после 1991 года русскоязычные жители Германии имеют относительно неограниченные возможности для различного рода связей со страной-донором — поездки, финансовая помощь близким и родным, экономическое сотрудничество, при этом зачастую сохраняя гражданство страны исхода. Этот аспект очень важен в вопросе сравнения концепций современных газет с газетами более раннего периода, где основной ресурс самоидентификации был подчинен символу политического «изгнания».

Далее, наибольшей популярностью у русскоязычного населения в Германии пользуются прежде всего еженедельники, предлагающие очень широкое толкование общей идентичности, а именно русскоязычности без четкого определения границ этнической и географической ориентации. Основным символом самоидентификации в повседневной жизни иммигрантов является русский язык. В этом отношении интересен девиз газеты популярного еженедельника «Русский Берлин — Русская Германия» — «Наше отечество — русский язык». Понятие «отечество» осмысливается в этом лозунге по новому, так как оно не передается с помощью конкретного эмоционального ландшафта или культурного символа-кода, ассоциирующийся с каким-то определенным российским памятным местом или

православной религией. Вместо всего этого предлагается относительно прагматичный ход — коммуникативная величина (имеющая политическую и культурную перспективы). При этом русский язык играет прежде всего роль социального ресурса в деле разрешения повседневных проблем и волеизъявления в публичной сфере, не являясь маркером этнической идентичности. В Берлине язык как параметр культурной идентичности не совпадает с этничностью. Таким образом, в Германии самими мигрантами релятивируются границы между разными национальностями и предлагается космополитичный подход к «русскости». Точка отсчета ценностей не в главном городе с Кремлем и не в новой столице объединенной Германии, а в новом реальном пространстве, которое измеряется траекториями переезда и векторами поддержки связей со старой родиной. В этом отношении любопытны предложения транспортных услуг в рубрике «Реклама». Наряду с многочисленными предложениями оформления виз и организации полетов между Европой и странами бывшего Советского Союза можно увидеть необычные предложения автобусных маршрутов: например, Берлин-Кустанай с расстоянием в 4,000 километров между пунктами отправления и назначения.²⁸

Примечательно, что на страницах газет отсутствует риторика трагической потери родины. Конструкция родины воспроизводится в другой плоскости, которая опирается на общие символы «переселения» и пытается объединить всех русскоязычных, имевших опыт проживания в бывшем Советском Союзе. Многие мигранты до сих пор не расстаются со своей «советскостью» в определении своей социальной идентичности. Следует сказать, что при этом наблюдается своего рода сакрализация уже несуществующей страны исхода — Советского Союза, и эта практика акцентирует предпочтение надэтнической самоидентификации, проводя рубеж скорее всего между автохтонными «бундесбюргерами» и новыми «бюргерами». Нестабильность и двойственность в принадлежности вызвало по-

28 Русский Берлин. № 175(43). Ноябрь 1999. С. 3.

требность у новых иммигрантов в своем информационном пространстве, отличающемся от национальных мейнстримов. Такое медиальное самовосприятие основано на надграницном пространстве, совмещающем лояльность как к стране-донору, так и к стране-реципиенту. Этот аспект и является одним из связующих центров организации коммуникативного пространства русскоязычных иммигрантских СМИ в Германии. Символ 1/6 суши земли, имеющий оттенок глобализма, как коллективный маркер продолжает вдохновлять журналистов и редакторов газет в формировании концепции публичного пространства, отдавая предпочтение понятию советской «русскости» без этнического содержания традиционного уклада. Возникает особая ситуация, где новые контуры стремятся объединить идеологемы Запада и Востока, а не разделить их. Во всяком случае Запад и Восток не противостоят друг другу. Таким образом, анализ организации «ментальной» географии еженедельников позволяет наблюдать, как «снизу», на уровне повседневной жизни и коммуникации, русскоязычные мигранты конструируют концепцию символической карты, которая объединяет Германию с Россией. Эта концепция выражается в тяготении не к локально-общинному *small Moscow*, а к мультиполярному восприятию мира и находит свое отражение в способе организации и подачи информации.

4. Заключение

Интеграция, которая включает в себя размывание межэтнических границ на разных уровнях социальной жизни, не всегда подразумевает полную ассимиляцию в другой культуре, а в эпоху глобального переплетения различных культур такой процесс закономерен. Как следует из материалов газет отрыв от прежней родины не подразумевает полное отчуждение и утрату прошлого. Важное обстоятельство заключается в том, что эта медиальная практика предлагает новую строительную площадку коммуникативного пространства между Западом и Востоком, географические и символические

ческие границы которого, передвигая Германию и бывший Советский Союз в одну плоскость, носят транснациональный характер. С другой стороны, растущая транснационализация идентичности мигрантов не соответствует доминантной национальной идентификации принимающего общества, то есть процесс транснационализации в этом случае ассиметричен. В то время как мигранты не только приспособились, но и активно строят жизнь на мостах между двумя странами, манипулируя двойной идентификацией и двойным гражданством, имидж иммигранта остается в клишированных рамках и поддается трансформации медленно.